

UDC 908

**Who were the clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire
Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century**

Tatyana G. Karchaeva¹, Denis N. Gergilev², Mikhail D. Severyanov³

Siberian Federal University, Russian Federation, 82A, Svobodny str, Krasnoyarsk

¹ PhD (History), Associate Professor, tatyana-verkhoturova@yandex.ru

² PhD (History), Associate Professor, Director, turilak@yandex.ru

³ Dr (History), Professor, kafedraistorirossii@yandex.ru

Abstract

This article considers Siberian grassroots and their professional composition as Siberian government participation may reflect the processes taking place in Russian Imperia. The aim of this article is to look at the long-term evolution of Siberian employees' participation in the province's administration in Yenisei province from 1822 to the 1917. The data on the officials in grassroots governance came from archival research, involving 447 clerks' biographies from Eastern Siberia. The documents were stored in the Russian State Historical Archive (St Petersburg, Russia) and the State Archive of Krasnoyarsk Region (Krasnoyarsk, Siberia, Russia). It was an important source of empirical data on the work of the Siberian grassroots governance that was not available elsewhere. Social composition, education, working experience and criminal record were considered to identify a group of officials prevailing in local and regional government structures. In conclusion, we found that, first, dominance of Siberian clerks with primary education, quite an insignificant number of clerks with secondary and higher education confirm the idea that involving state employees in governance participation was complicated by their educational level. Secondly, clerks low socio-economic stratum constituted the majority in the governance grassroots in the Eastern Siberia. In this region nobles were represented in much smaller numbers. Third, Service work experience from 2 to 5 years allowed working more professionally. Consequently, frames of the Russian Imperia in Siberia

began to form more experienced employees during 1822–1917. However, 1–2 years was the average term of office. Fourthly, at the time the proportion of Siberian clerks with criminal record composed 7-8 per cent as figures was in the Central regions of the Russian Imperia.

Keywords: clerks; grassroots; state employees; local governmental officials; government participation; Yenisei Province; Siberia; Russian Imperia.

1. Введение

Изучение кадрового состава местного звена управления Сибирью в период Российской империи имеет важную роль для современной отечественной исторической науки, поскольку позволяет установить профессиональный облик того слоя лиц, в руках которого находилась реальная полнота власти над окраинным регионом и его населением. В данной статье мы постараемся разобраться, что представляли собой чиновники – «письмоводители», находившиеся на административных должностях низших рангов Енисейской губернии, на примере которой можно проследить особенности кадровой политики в управлении Сибирью. Параметрами для анализа послужили профессионально важные критерии чиновников как государственных служащих, а именно уровень образования, опыт службы в должности, ведомстве и в Сибири, «бытность под судом и следствием». Хронологические рамки исследования определены дореволюционным периодом существования Енисейской губернии (1822 – 1917 гг.), расположенной в центре Восточной Сибири и включавшей в себя пять округов (уездов): Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский, Енисейский.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой работы явился массив формулярных (послужных) списков чиновников. Полные основные и дополнительные списки, с переписью всех должностных лиц Енисейской губернии, подняты из Российского государственного исторического архива – фонд № 1349 «Формулярные списки

чинов гражданского ведомства (коллекция)» за 1823, 1831, 1842, 1851, 1853 гг. (ФКУ «РГИА», г. Санкт-Петербург). В качестве материалов по второй половине XIX – начало XX вв. использованы групповые формулярные списки чиновников за 1883, 1893, 1905, 1915 гг., которые взяты в Государственном архиве Красноярского края из фондов № 32 «Тюремное ведомство», № 141 «Енисейский губернский суд», № 156 «Енисейское губернское акцизное управление», № 161 «Енисейская казенная палата», № 401 «Управление земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии», № 595 «Енисейское губернское управление», № 613 «Енисейский губернский прокурор» (КГКУ «ГАКК», г. Красноярск). Все подсчеты по качественному и количественному составу обер-офицерских чиновников будут проведены на основе анализа всего комплекса формулярных списков из 8 фондов РГИА и ГАКК, что подтверждает репрезентативность сделанных в данной статье выводов. Всего были выявлены и рассмотрены формулярные списки у 447 чиновников, что составило 71,9% от полного их кадрового состава по штатным расписаниям (622 чел.) за 1821, 1831, 1842, 1851, 1865, 1853, 1883, 1893, 1905, 1915 годы. Для сравнения сибирских чиновников с государственными служащими, занимавшими аналогичные посты в центральных губерниях Российской империи, были использованы статистические данные по высшему чиновничеству из диссертационных работ Т.А. Поскачей (вторая четверть XIX в., на материалах Рязанской губернии) и А.Л. Бутусовой (вторая половина XIX – начало XX в., на примере Курской губернии).

2.2. По сложившейся в историографии традиции, заложенной П. А. Зайончковским и С. М. Троицким, анализ чиновничества должен быть проведен с учетом разрядов занимаемых ими должностей: высшие чиновники (I–V классы), штаб-офицерские (VI–VIII) и обер-офицерские (IX–XIV классы) [Зайончковский, 1978: 65; Троицкий, 1974: 34]. В данном исследовании нас интересовала группа чиновников – «письмоводителей», занимавших низшие в общей служебной иерархии должности обер-офицерского ранга IX–XIV классов. В Енисейской губернии, как в губерниях и областях Сибири и всей

Российской империи, это были столоначальники, бухгалтеры, секретари, делопроизводители, журналисты, архивариусы, регистраторы, протоколисты и, соответственно, все их помощники, занимавшие среди всех должностей местной администрации в разные годы рассматриваемого периода от .

Методами исследования в данной работе явились принципы историзма, объективности, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения. Идеино-методологическое осмысление динамики полученных результатов базировалось на теории модернизации, согласно которой изменение социальных и профессиональных характеристик служащих понималось как противопоставление традиционного – современному, прошлого – настоящему, как переход по исторической линии «доиндустриальное – индустриальное (модерновое)» общество. С помощью универсального метода историзма была воспроизведена динамика профессиональных характеристик чиновничества. Используемый сравнительно-исторический метод позволил провести необходимые сравнения общих и особенных черт в социальном составе российского и сибирского чиновничества.

3. Обсуждение.

При общей недостаточной изученности провинциального аппарата управления в Сибири, как в отечественной, так и зарубежной историографии, можно с уверенностью говорить о большой популярности данной темы у российских и иностранных исследователей [Дегтярев, 2013; Bloch, 2005; Gentes, 2003; Graber, 2015; Pintner, 1970; Raeff, 1979]. Кадровый состав корпуса высшей администрации Восточной Сибири в середине XIX в. проанализирован с позиции формальных и неформальных критериев классификации чиновничества [Матханова, 2002; Матханова, 2016]. Выделены основные направления правительственной политики по формированию бюрократического аппарата в Сибири [Дамешек, 2016; Gentes, 2003]. В свою очередь, история чиновничества Енисейской губернии представлена периодическими изданиями и работами публицистического характера: очерки о

деятельности губернаторов и других высших лиц местной власти [Бердников, 1995]; статьи о структуре и численности енисейской губернской администрации одного из авторов данной работы [Верхотурова, 2010; Карчаева, 2016]. Попыток комплексного рассмотрения кадрового состава низших чиновников в Сибири, и Енисейской губернии в частности, до сих пор не предпринималось.

4. Результаты

4.1. Уровень образования

По законодательству Российской империи в XIX – начале XX вв. уровень образования являлся одним из трех условий, наравне с возрастом и сословным происхождением, определявшим доступ на государственную службу и возможность по ней продвижения. В губерниях Центральной России с 1809 г. до 1832 г. запрещалось без аттестата об образовании получать чины до статского советника включительно (I – V классов), с 1832 г. – запрещалось и вовсе поступать на гражданскую службу, а лишь в конце XIX – начале XX вв. вместо основного сословного принципа был установлен образовательный, открывавший доступ на гражданскую службу всем сословиям (с 1889 г. – по департаменту железнодорожных дел; с 1894 г. – по ведомству министерства финансов; с 1904 г. – в отделе торговых портов министерства торговли и промышленности, главном управлении по делам местного хозяйства министерства внутренних дел, по министерству путей сообщения, с 1906 г. – по всем ведомствам) [Свод законов..., 1896: 2, 7, 8, 138; Зайончковский: 53].

В Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода, в отличие от губерний Центральной России, право к поступлению на гражданскую службу имели все сословия, независимо от уровня знаний (без аттестата об образовании претенденты просто проходили испытание на умение читать, писать и считать) [Свод законов..., 1857: 1267]. Данное правило объяснялось особенностями комплектования административных кадров в Сибири до 1917 г., суть которых заключалась в том, что в пределах Восточной Сибири фактически

отсутствовало дворянское сословие, а сословный состав сибирской интеллигенции был представлен, в основном, купечеством и разночинцами. Однако, можно предположить, что даже в Сибири государство стремилось не допустить в высшие эшелоны местной власти лиц из податных сословий. Как показал анализ архивных материалов по Енисейской губернии, на высшие посты (например, губернатора, вице-губернатора, председателей казенной палаты, губернского суда и пр.) и должности среднего звена штаб-офицерского ранга (например, советников губернатора, начальников отделений, губернского прокурора, губернского архитектора и пр.) приглашались преимущественно чиновники дворянского происхождения из Центральной России и имевшие при этом, в основном, аттестат об образовании соответственно [Карчаева, 2016: 136–137].

Динамика изменения образовательного уровня чиновников, занимавших обер-офицерские должности, отражена в приведенной ниже таблице [Таблица 1].

Таблица 1. Образовательный уровень чиновников обер-офицерских должностей енисейской губернской администрации

Уровень образования	1823		1851		1865		1893		1905		1915	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Высшее	2	6.7	4	6.25	5	7.9	6	10.7	7	12.5	8	12.5
Среднее	-	-	14	21.9	16	25.4	21	37.5	22	39.3	26	40.6
Начальное	1	3.3	17	26.6	35	55.6	23	41.1	22	39.3	24	37.5
Частное	1	3.3	4	6.3	-	-	-	-	-	-	-	-
Домашнее	22	84.6	25	39.1	7	11.1	6	10.7	7	12	6	4.7
Итого	26	100	64	100	63	100	56	100	58	100	64	9.4

Таблица составлена по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1823 г. Д. 108; Оп. 4. 1831 г. Д. 102; Оп. 6. 1831 г. Д. 829; Оп. 6. 1833 г. Д. 849; Оп. 4. 1842 г. Д. 404; Оп. 4. 1845 г. Д. 479. Ч.1; Оп. 5. 1850 г. Д. 892. Ч. 1; Оп. 5. 1851 г. Д. 2916; Оп. 5. 1853 г. Д. 2282. Ч. 1; Оп. 5. . 2281. Ч. 2; ГАКК. Ф. 141. О. Оп. 1. Д. 86, 110, 158, 177, 1470 – 782; ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 58, 80 – 82, 91, 96, 102, 118 – 124, 130, 133 – 140, 146, 149, 156, 157, 178, Д. 179, 212, 243, 246, 333 – 339,

428, 445 – 450, 485, 538, 972, 1038, 1066, 1268, 1446, 2862.; Оп. 2. Д. 48, 49; Оп. 3. Д. 129; Оп. 5. Д. 1; ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 114, 261, 290, 341; ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 3 – 53, 56, 58 – 106, 108 – 117, 120 – 127, 130, 133, 135 – 163, 168, 174, 179, 186 – 201 а, 204, 211 – 218, 222 – 243, 248, 252, 274, 281, 293, 325, 326, 472, 474, 486, 489; Ф. 161. Оп. 1. Д. 58, 80 – 82, 91, 96, 102, 118 – 124, 130, 133 – 140, 146, 149, 156, 157, 178, 179, 212, 243, 246, 333 – 339, 428, 445 – 450, 485, 538, 972, 1038, 1066, 1268, 1446, 2862.; Оп. 2. Д. 48, 49; Оп. 3. Д. 129; Оп. 5. Д. 1; ГАКК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 14, 27, 34, 73, 80 – 83, 94, 99, 165, 169, 200, 202, 227, 232, 257, 274 – 316.

Суммируя приведенные данные, можно сделать вывод, что корпус чиновников, занимавших по служебной иерархии низшие должности, формировался из служащих, которые до середины XIX в. обучались, преимущественно, в домашних условиях (т. е. при поступлении на службу они не предоставляли аттестат об образовании), во второй половине XIX в. – в основном уже имели аттестат приходских и уездных училищ (начальный уровень образования), в начале XX в. – губернских гимназий и духовных семинарий (средний уровень образования).

В исследованиях одного из авторов данной статьи доказано, что чиновники на обер-офицерских должностях, имевших домашнее и начальное образование, были представлены сибиряками (1823 г. – 50%, 1865 г. – 73,1%, 1915 г. – 93,7%), а именно выходцами из Енисейской, Иркутской, Томской губерний, что категорически отличалось от территориального происхождения высших и штаб-офицерских служащих. Так, доля сибиряков среди высших чиновников енисейской губернской администрации составляла всего 16,4 % за весь период рассмотрения с 1822 по 1917 гг. Количество сибиряков среди среднего звена енисейской губернской администрации хотя и неуклонно росло (в 1823 г. – 15,8%, 1865 г. – 52%, 1915 г. – 61,7%), но было меньше, чем среди низших чиновников. Интересно, что стабильными поставщиками «назначенцев» (от письмоводителя до губернатора) являлись столичные губернии, а также Украинские и Северо-Западные земли [Карчаева, 2016: 137].

Для сравнения с Центральной Россией, например, в Рязанской губернии также повсеместно наблюдался недостаток квалифицированных кадров ¹. В период с 1860-х гг. по начало XX в. происходило повышение уровня образования государственных служащих, например, в Курской губернии, на территории которой доля чиновников со средним образованием увеличилась от 19,6 до 57,7% (семинарии, гимназии, реальные училища), с высшим – от 3,7 до 13,5%, соответственно с начальным образованием сократилась – от 53.3 до 12.7%, с домашним – от 17.7 до 12.7% [Бутусова, 2006: 109 – 111].

4.2. Опыт службы в Сибири, ведомстве и должности

Анализ территориального происхождения низших чиновников показал, что до середины XIX в. кадры обер-офицерских должностей енисейской губернской администрации формировались наполовину как из приезжих, так и местных чиновников (преобладали уроженцы губернского города Красноярска). Со второй половины XIX в. главным поставщиком служащих на обер-офицерские должности стала Сибирь: 1842 г. – 69,7%, 1865 г. – 73,1 %, 1893 г. – 85,7%, 1915 г. – 93,7 % [Таблица 2].

Таблица 2

Территориальная принадлежность последнего места службы (места жительства) чиновников обер-офицерских должностей

Год	Прибалт. губернии		Украинск. губернии		Центральная Россия		Западная Сибирь		Восточная Сибирь		Енисейская губерния		Итого
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	
1823	3	11.5	2	7.7	8	30.8	6	23.1	4	15.4	3	11.5	26
1831	2	7.1	2	7.1	9	32.2	4	14.3	8	28.6	3	10.7	28
1842	3	5.4	5	8.8	9	16.1	8	14.3	22	39.3	9	16.1	56
1851	5	7.8	4	6.3	9	14.1	7	10.1	21	32.8	18	28.1	64
1865	4	6.4	5	7.9	8	12.7	6	9.5	20	31.8	20	31.8	63

¹ Поскачей, Т. А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII - первой половине XIX вв.: На материалах Рязанской губернии [Электронный ресурс]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. А. Поскачей. – Рязань: РГБ, 2006. – С. 192.

Примеч.: В данном исследовании приведено общее количество чиновников, без конкретизации их классного чина или занимаемой должности.

1882	2	3.6	2	3.6	4	7.3	2	3.6	14	25.5	31	56.4	55
1893	2	3.6	3	5.4	3	5.4	3	5.4	11	19.6	34	60.7	56
1905	-	-	-	-	3	5.2	2	3.5	12	20.7	41	70.6	58
1915	-	-	-	-	4	6.3	3	4.7	13	20.3	44	68.7	64

Таблица составлена по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1823 г. Д. 108; Оп. 4. 1831 г. Д. 102; Оп. 6. 1831 г. Д. 829; Оп. 6. 1833 г. Д. 849; Оп. 4. 1842 г. Д. 404; Оп. 4. 1845 г. Д. 479. Ч.1; Оп. 5. 1850 г. Д. 892. Ч. 1; Оп. 5. 1851 г. Д. 2916; Оп. 5. 1853 г. Д. 2282. Ч. 1; Оп. 5. . 2281. Ч. 2; ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 86, 110, 158, 177, 1470 – 782; ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 58, 80 – 82, 91, 96, 102, 118 – 124, 130, 133 – 140, 146, 149, 156, 157, 178, Д. 179, 212, 243, 246, 333 – 339, 428, 445 – 450, 485, 538, 972, 1038, 1066, 1268, 1446, 2862; Оп. 2. Д. 48, 49; Оп. 3. Д. 129; Оп. 5. Д. 1; ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 114, 261, 290, 341; ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 3 – 53, 56, 58 – 106, 108 – 117, 120 – 127, 130, 133, 135 – 163, 168, 174, 179, 186 – 201 а, 204, 211 – 218, 222 – 243, 248, 252, 274, 281, 293, 325, 326, 472, 474, 486, 489; Ф. 161. Оп. 1. Д. 58, 80 – 82, 91, 96, 102, 118 – 124, 130, 133 – 140, 146, 149, 156, 157, 178, 179, 212, 243, 246, 333 – 339, 428, 445 – 450, 485, 538, 972, 1038, 1066, 1268, 1446, 2862.; Оп. 2. Д. 48, 49; Оп. 3. Д. 129; Оп. 5. Д. 1; ГАКК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 14, 27, 34, 73, 80 – 83, 94, 99, 165, 169, 200, 202, 227, 232, 257, 274 – 316.

Среднестатистический чиновник енисейской губернской администрации до назначения на обер-офицерскую должность имел опыт на государственной службе (военной и гражданской) в среднем 8 лет [Таблица 3].

Таблица3

Стаж службы чиновников обер-офицерских должностей (чел)

Год	1 – 5 лет	6 – 10 лет	11 – 15 лет	16 – 20 лет	21 – 30 лет	31 – 40 лет	41 – 50 лет	Итого
1823	4	14	6	-	2	-	-	26
1831	3	11	4	4	5	1	-	28
1842	3	18	15	10	9	-	1(62 года)	56
1851	2	4	18	17	15	8	-	64
1865	9	5	7	20	11	9	2	63
1882	2	14	11	4	10	11	3	55
1893	3	13	12	8	11	7	2	56
1905	7	15	13	12	7	4	-	58
1915	9	19	15	14	4	2	1	64

Таблица составлена по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1823 г. Д. 108; Оп. 4. 1831 г. Д. 102; Оп. 6. 1831 г. Д. 829; Оп. 6. 1833 г. Д. 849; Оп. 4. 1842 г. Д. 404; Оп. 4. 1845 г. Д. 479. Ч.1; Оп. 5. 1850 г. Д. 892. Ч. 1; Оп. 5. 1851 г. Д. 2916; Оп. 5. 1853 г. Д. 2282. Ч. 1; Оп. 5. Д. 2281. Ч. 2; ГАКК. Ф. 141. О. Оп. 1. Д. 86, 110, 158, 177, 1470 – 782; ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 58, 80 – 82, 91, 96, 102, 118 – 124, 130, 133 – 140, 146, 149, 156, 157, 178, Д. 179, 212, 243, 246, 333 – 339, 428, 445 – 450, 485, 538, 972, 1038, 1066, 1268, 1446, 2862.; Оп. 2. Д. 48, 49; Оп. 3. Д. 129; Оп. 5. Д. 1; ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 114, 261, 290, 341; ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 3 – 53, 56, 58 – 106, 108 – 117, 120 – 127, 130, 133, 135 – 163, 168, 174, 179, 186 – 201 а, 204, 211 – 218, 222 – 243, 248, 252, 274, 281, 293, 325, 326, 472, 474, 486, 489; Ф. 161. Оп. 1. Д. 58, 80 – 82, 91, 96, 102, 118 – 124, 130, 133 – 140, 146, 149, 156, 157, 178, 179, 212, 243, 246, 333 – 339, 428, 445 – 450, 485, 538, 972, 1038, 1066, 1268, 1446, 2862.; Оп. 2. Д. 48, 49; Оп. 3. Д. 129; Оп. 5. Д. 1; ГАКК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 14, 27, 34, 73, 80 – 83, 94, 99, 165, 169, 200, 202, 227, 232, 257, 274 – 316.

Опыт государственной службы у чиновников, занимавших низшие по служебной иерархии должности, был в 2 раза меньше, чем у их непосредственных начальников – чиновников на штаб-офицерских должностях (18 лет), и, разумеется, меньше, чем у высших администраторов (губернаторы от 23 до 44 лет, председатели казенной палаты, губернского правления, губернского суда и пр. – от 12 до 52 лет [Верхотурова, 2010: 48].

Определенной системы в формировании кадрового аппарата младшего звена чиновников, скорее всего, не было, поэтому опыт службы в должности составлял, в среднем, 1 год, опыт службы в одном ведомстве – 3 года. С полной уверенностью можно сказать, что в первой половине XIX в., а затем в начале XX в. корпус обер-офицерских должностей в Енисейской губернии формировался за счет молодых чиновников, имевших непродолжительный служебный стаж, что в первом случае объяснялось общим недостатком претендентов на занятие вакантных мест, во втором – привлечением на

младшие должности лиц без значительного опыта, но с образованием. Так, анализ формулярных списков показал, что количество лиц, поступивших на обер-офицерские должности в возрасте от 20 до 30 лет в 1823 г. было 61,5 %, в 1865 г. – 12,7 %, в 1905 г. – 31 %, 1915 г. – 32,8 % [Верхотурова, 2010: 49]. При этом ведомственные и должностные перемещения младшего звена губернского чиновничества происходили без учета служебной специализации и ведомственной принадлежности, что говорило о низкой профессиональной квалификации чиновников. Особенно были частыми случаи перевода служащих низших должностей (из енисейского губернского суда, губернского правления и пр.) на разноплановые низшие должности в новые учреждения по министерству финансов (губернское казначейство, контрольная палата, губернское акцизное управление), открывшиеся в Сибири во второй половине XIX в, в связи с усложнением хозяйственно-экономической жизни в регионе.

Среди чиновников енисейской губернской администрации, занимавших обер-офицерские должности, знаками отличия беспорочной службы (в основном, ордена Св. Станислав III ст. и Св. Анны III ст.) были награждены всего 6% служащих, только 27 из 447 чел., что было несравнимо меньше, чем 100% награжденных среди высших чиновников, 68% – штаб-офицерских. Несмотря на уровень образования, частые перемещения и отсутствие наград у чиновников, занимавших низшие в служебной иерархии должности, их служебная пригодность в первой половине XIX в. соответствовала 100% (со второй половины XIX в. данная графа была убрана из формулярного списка). О каждом из них было написано: «К прохождению службы годен... и к повышению достоин...». Однако анализ перемещений по службе показал, что на протяжении всего рассматриваемого периода количество чиновников, поднявшихся по служебной иерархии на более высшие штаб-офицерские должности стабильно равнялся 20%, что говорило о консервативности государства в кадровой политике.

4.3. «Бытность под судом и следствием»

На протяжении почти векового рассматриваемого периода (1822 – 1917 гг.) среди 311 чиновников, о которых имеются данные сведения, выявлено только 24 служащих (8%), совершивших правонарушений преступного характера, за которые следовала по решению суда юридическую ответственность в виде ареста, денежного штрафа, вычитаемого из жалования, официального выговора и пр. Состав незаконных деяний был представлен в 4 случаях злоупотреблением властью, в 3 – «служебными упущениями», в 9 – драками, в 8 – хулиганством.

Анализ формулярных списков показал, что неформальным, но распространенным наказанием среди низших чиновников в Енисейской губернии являлось увольнение провинившихся с занимаемых должностей по собственному прошению, что иногда сопровождалось отсылкой из Сибири назад в европейскую часть России, если они были приезжими.

Среднестатистическим примером тому могут служить биографические сведения о двух чиновниках Енисейской губернии: канцелярском слуге (т.е. без классного чина) Александре Филипповиче Полчанинове, происходившем из семьи красноярского дьяка, и коллежском асессоре Егоре Семеновиче Бурдине, из семьи штаб-офицера, и приехавшего в Сибирь из Киевской губернии, а потому и имевшем классный чин. Согласно формулярному списку 25-летнего Полчанинова, с должности столоначальника 2-го стола хозяйственного отделения енисейской казенной палаты он был уволен по собственному прошению в 1851 г. Предположительно, поводом послужил предшествовавший тому случай на свадьбе у его коллеги, состоявшего тогда в чине коллежского регистратора 32-летнего Бурдина, служившего в канцелярии енисейской казенной палаты. Состав преступления, совершенного Полчаниновым, состоял в «непримерном поведении» в церкви во время бракосочетания 32-летнего Бурдина, за что Полчанинов судом был приговорен к 7 суткам ареста в тюрьме. Кроме того Бурдин также был переведен из губернского города Красноярска в ачинский городской суд в качестве письмоводителя, хотя в соответствии с классным чином коллежского

регистратора, полученного им в качестве служебной привилегии за перевод на службу в Сибирь из Киевской губернии, мог бы рассчитывать на более высокую должность. В губернский город Красноярск Бурдин со своей семьей переедет повторно только в 1860 г. в связи с назначением на должность столоначальника по земскому столу енисейского общего губернского управления по неоднократному своему прошению. Интересно, что служебная карьера 57-летнего коллежского асессора Бурдина оборвется в 1876 г. в связи с «попаданием его под суд за утрату дел мещанина Юдовича», официального наказания как такового не последует, но он покинет должность делопроизводителя канцелярии енисейской казенной палаты «с отбытием в Киевскую губернию», положенной пенсии при этом назначено ему не будет [ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 156. Л. 122 об. – 125; Ф. 160. Оп. 1. Д. 446. Л. 31 - 53 об. Ф. 595. Оп. 45. Д. 85. Л. 68 – 72].

В губерниях Центральной России официальный процент правонарушений был примерно таким же и, например, 9% – в Рязанской губернии во второй четверти XIX в. [Поскачей, 2006: 200].

5. Заключение

Не смотря на сложности комплектования в Сибири кадрового состава низших по служебной иерархии служащих, обер-офицерское чиновничество, на примере «письмоводителей» Енисейской губернии, можно охарактеризовать как профессионально пригодное. Согласно данным из формулярных списков для данной категории служащих были свойственны следующие характеристики: во-первых, адекватный времени уровень образования, который повышался от домашнего к начальному, затем – к среднему; во-вторых, наличие существенного опыта работы в государственных учреждениях, в том числе и в Сибири, как и сибирское происхождение большинства служащих; в-третьих, отсутствие вопиющих случаев правонарушений. Отличало чиновников енисейской губернской администрации, находившихся на обер-офицерских должностях, от их коллег в губерниях Центральной России только более низкое

их сословно-социальное происхождение и наличие в их составе приезжих из других территорий чиновников. Следует заметить, что обер-офицерские должности енисейской губернской администрации не выполняли функцию резерва кадров, так как существовали самостоятельно, и их кадровый состав имел наименьшее число отличий по представленным критериям от соответствовавших им по статусу чиновников в губерниях Центральной России.

Литература

Бердников, 1995 – Бердников Л.П. Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916): факты, события, люди. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 320 с.

Бутусова, 2006 – Бутусова А.А. Провинциальное чиновничество России в 1861 – 1917 гг. (на примере Курской губернии) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 / А. А. Бутусова. Курск: РГБ, 2006. 183 с.

Верхотурова Т. Г. Кадровый состав енисейской губернской администрации (1822 – 1917 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 2 (10). 2010. С. 48 – 53.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, 2016 – Дамешек Л.М. Губернаторская власть в меняющемся пространстве империи: от Петра I до Александра I // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2016. Т. 15. С. 6–14.

Дегтярев, 2013 – Дегтярев С.И. Проблема социального происхождения чиновников в политике Романовых (XVIII – первая половина XIX вв.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. № 30 (4). С. 27–35.

Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

Карчаева, 2016 – Карчаева Т. Г. Социокультурный портрет чиновников Енисейской губернии (1822–1917 гг.) // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 1 (25). С. 135 –139.

Матханова, 2002 – Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. 250 с.

Матханова, 2016 – Матханова Н.П. Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 58-75.

Поскачей, 2000 – Поскачей Т. А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII - первой половине XIX вв.: На материалах Рязанской губернии [Электронный ресурс]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. А. Поскачей. Рязань: РГБ, 2006. 261 с.

РГИА – Российский государственный архив.

Свод законов, 1857 – Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1857.

Свод законов, 1896 – Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1896.

Троицкий, 1974 – Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 368 с.

Bloch, 2005 – Bloch A. Longing for the kollektiv: Gender, power, and residential schools in central Siberia // Cultural Anthropology. 2005. Vol. 20 (4). P. 534–569. [in US].

Gentes, 2003 – Gentes A. Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries // Sibirica. 2003. Vol. 3(1). P. 3–20. [in US]

Graber, 2015 – Graber K. E., Murray J. D. The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s // Slavic Review. 2015. Vol. 74 (1). P. 127–152. [in US]

Pintner, 1970 – Pintner W.M. The social characteristics of the early nineteenth-century Russian bureaucracy // Slavic Review. 1970. № 3. P. 429–443. [in US]

Raeff, 1979 – Raeff M. The Bureacritic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // American Historical Review. 1979. № 84. P. 399 – 411. [in US]

References:

Berdnikov L.P. Vsy krasnoyarskaya vlast: ocherki istorii mestnogo upravleniya i samoupravleniya (1822–1916): faktyi, sobyitiya, lyudi. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1995. 320 s.

Butusova, 2006 – Butusova A.A. Provintsialnoe chinovnichestvo Rossii v 1861 – 1917 gg. (na primere Kurskoy gubernii) [Elektronnyy resurs] : dis. ... kand. ist. nauk. 07.00.02 / A. A. Butusova. Kursk: RGB, 2006. 183 p.

Verhoturova T. G. Kadrovyyi sostav eniseyskoy gubernskoy administratsii (1822 – 1917 gg.) // Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke. № 2 (10). 2010. P. 48-53.

GAKK – Gosudarstvennyy arhiv Krasnoyarskogo kraya.

Dameshek, 2016 – Dameshek L.M. Gubernatorskaya vlast v menyayuschemsya prostranstve imperii: ot Petra I do Aleksandra I // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2016. T. 15. P. 6–14.

Degtyarev, 2013 – Degtyarev S.I. Problema sotsialnogo proishozhdeniya chinovnikov v politike Romanovyih (HVIII – pervaya polovina XIX century.) // Byilye godyi. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal. 2013. № 30 (4). P. 27–35.

Zayonchkovskiy, 1978 – Zayonchkovskiy P.A. Pravitelstvennyy apparat samodержavnoy Rossii v XIX v. M.: Myisl, 1978. 288 p.

Karchaeva, 2016 – Karchaeva T.G. Sotsiokulturnyy portret chinovnikov Eniseyskoy gubernii (1822–1917 gg.) // Gumanitarnyye nauki i obrazovanie. 2016. № 1 (25). P. 135 –139.

Mathanova, 2002 – Mathanova N.P. Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX v.: Problemyi sotsialnoy stratifikatsii. Novosibirsk: Sib. hronograf, 2002. 250 p.

Mathanova, 2016 – Mathanova N.P. Vlast i chinovniki v memuarah sibirskogo kupechestva XIX v. // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2016. № 2. P. 58-75.

Poskachey, 2000 – Poskachey T. A. Provintsialnoe chinovnichestvo Rossii v posledney chetverti XVIII - pervoy polovine XIX vv.: Na materialah Ryazanskoй gubernii [Elektronnyiy resurs]: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 / T. A. Poskachey. Ryazan: RGB, 2006. 261 p.

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyiy istoricheskiy arhiv.

Svod zakonov, 1857 – Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyiy. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1857.

Svod zakonov, 1896 – Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyiy. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1896.

Troitskiy, 1974 – Troitskiy S.M. Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v.: Formirovaniye byurokratii. M.: Nauka, 1974. 368 p.

УДК 908

Кто они – «письмоводители» в Сибири? Профессиональная характеристика местных чиновников Российской империи в XIX – начале XX вв.

Татьяна Геннадьевна Карчаева¹, Денис Николаевич Гергилев², Михаил Дмитриевич Северьянов³

Сибирский федеральный университет, Россия, 82А, Свободный пр., Красноярск

¹ кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, tatyana-verkhoturova@yandex.ru

² кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, директор Гуманитарного института, turilak@yandex.ru

³ доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, kafedraistoriirossii@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрен деловой облик чиновников Енисейской губернии Восточной Сибири, занимавших низшие по служебной иерархии должности в

местных органах власти в 1822 по 1917 гг. На основе детального анализа массива архивного материала, впервые введенного в научный оборот (индивидуальные и групповые формулярные списки 447 служащих, поднятых в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Красноярского края), сделан вывод о профессиональной пригодности чиновников, занимавших низшие должности в Сибири. Произведенное сравнение полученных статистических показателей с опубликованными данными о провинциальных чиновников Центральной России показало, что на протяжении рассматриваемого периода профессиональные характеристики служащих в отдаленной восточной окраине соответствовали общероссийским показателям. Так, во-первых, был выявлен рост уровня образования местных низших чиновников от преобладавшего домашнего к среднему, при доминировавшем начальном (приходские школы, уездные училища); во-вторых, стабильно низким оставался срок службы в должности и ведомстве (при беспорядочной ротации кадров); в-третьих, количественный и качественный состав правонарушений, скорее всего, официально скрывался. Региональными особенностями сибирских низших чиновников считались следующие их социально-профессиональные характеристики: податное сословно-социальное происхождение основного состава служащих; наличие в кадровом составе большого количества приезжих из других территорий Российской империи, преимущественно из Западных и столичных губерний; отсутствие у чиновников сибирского происхождения существенных перспектив продвижения по службе.

Ключевые слова: чиновничество; государственные служащие; местное управление; губернская администрация; Енисейская губерния; Сибирь; Российская империя.